

Е. Б. Емченко*

Православные женские общины в России в последней трети XVIII — начале XIX века

Женские общины — одно из уникальных явлений в истории российского монашества. В то же время проблема возникновения и развития женских общин изучалась мало. Женские общины первоначально возникали помимо воли государственной и церковной власти по инициативе самих женщин, и зачастую только спустя несколько десятилетий государство признавало их право на существование. Так, например, Дивеевская и Арзамасская Алексеевская общины Нижегородской епархии были признаны государством через 60 с лишним лет с начала своего фактического существования. К моменту признания в Арзамасской Алексеевской общине насчитывалось около 500 человек. Это явление в России было распространено только среди женской части общества.

Жизнь в женской общине организовывалась по монастырскому уставу, но без пострижения. До сих пор остается много нерешенных проблем, в частности, это причины появления общин и признание их государственной властью, оформление юридического статуса общин. Когда государство обратило внимание на их существование? Какие из общин были первыми признаны государственной властью? С какого времени появилась формулировка «община принята под покровительство духовного и гражданского начальства»? Когда сам термин «женская община» приобрел устойчивый характер?

В. В. Зверинский справедливо связывает появление общин с церковной реформой 1764 г., в результате которой монахини упраздненных монастырей переводились в другие, оставленные по штатам, а послушницы и белицы были брошены на произвол судьбы. Часть из них отказалась покидать свои кельи, другие строили себе «хижины» около приходских или кладбищенских церквей. Вместе с тем Зверинский обратил внимание на то, что впоследствии общины стали возникать из богаделен, странноприимных домов, женских домов трудолюбия и т. п.¹ Наблюдение Зверинского свидетельствует о том, что распространение женских общин было связано не только с реформой 1764 г., но и со всем предшествующим и последующим государственным законодательством синодального периода².

* © Емченко Е. Б., 2006

Елена Борисовна Емченко, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 01-01-00204а.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Большинство законодательных актов петровского времени предназначались как для мужских, так и для женских монастырей, в отдельных из них существовали специальные разделы, посвященные женским обителям (в Духовном регламенте, Инструкции для благочинных монастырей и т. д.). Встречаются также законодательные акты, специально изданные для женских монастырей (о том, чтобы женские монастыри были всегда закрыты и к надвратным церквям пристраивались специальные входы, и т. д.).

Церковная реформа Петра I в отношении монастырей исходила прежде всего из их практической и социальной пользы для общества. 31 января 1724 г. было издано подписанное Петром «Объявление», в котором определялась исторически сложившаяся роль монастырей: во-первых, духовная, «ради удовлетворения прямою совестью оное желающих», и во-вторых, «ради церковной нужды», так как представители духовной власти традиционно принадлежат к монашествующим («дабы были из монашества достойны в чин архиерейства»). Но, по словам «Объявления», большая часть монахов — тунеядцы и, прячась за молитвой, они ведут праздную жизнь: «...А что, говорят, молятся, то и все молятся... Что же прибыль обществу от сего?» Поэтому, соглашаясь со вторым определением, оправдывающим существование мужских монастырей, для остальных монашествующих — тех, кто ищет в монастыре только духовной жизни, Петр объявляет «определение»: «служити нищим, престарелым и младенцем»³. Именно под это определение попадали все женские монастыри. Для выполнения социальной роли предполагалось на содержание в монастыри определить отставных солдат и нищих и устроить там госпитали. «Монахиням в служении нищих равное ж определение, яко и монахом», — гласило «Объявление». В результате возникла абсурдная ситуация для женских монастырей — в них, как и в мужских обителях, содержались отставные военные. Более того, по ведомости 1744 г., из числа отставных военных, находившихся в московских монастырях, больше всего оказалось в Вознесенском женском монастыре — 40 человек⁴.

Кроме того, необходимо было определить несколько женских монастырей для содержания сирот — девочек и мальчиков до 7 лет. Монахиням поручалось обучение детей старше 5 лет грамоте⁵. После 7 лет мальчиков отсылали в школы, а девочек следовало обучать грамоте и рукоделию: прядению, шитью, плетению кружев (для чего выписывали из Брабандии сирот, которые выучены в монастырях). Для сирот был назначен Новодевичий монастырь, а для больных и увечных — Вознесенский⁶. Монахини могли также направляться на работу в госпитали. По определению Синода, из новгородских женских монастырей в петербургский и кронштадтский госпитали и из псковских монастырей в ревельский госпиталь «для надзора за бельем и работницами» посылались старицы с помощницами: в каждый госпиталь по одной старице и одной помощнице попеременно⁷.

Монахам, не занятым уходом за нищими и инвалидами, отводилась монастырская земля, чтобы сами добывали себе хлеб. Монахини же должны были «питатца рукоделием вместо пашни, а имянно: пряжею на мануфактурные дворы и быть неисходным в особливых монастырях», «пению в церквах быть на хорах». Но чтобы приходящие не видели монахинь, необходимо было сделать «решетки частые на хорах»⁸. Одним из существенных отличий женских монастырей был возраст пострига насельниц — 50–60 лет, в то время как в мужских монастырях — 30 лет.

Е. Б. ЕМЧЕНКО. ПРАВОСЛАВНЫЕ ЖЕНСКИЕ ОБЩИНЫ В РОССИИ

Кроме того, при пострижении мужчин делались исключения для вдовствующих диаконов и священников, а также для лиц с богословским образованием. В XIX в. 60 лет — это был уже пенсионный возраст, когда монах имел право не выполнять никаких послушаний⁹. Экономическое состояние женских монастырей также отличалось от мужских. При меньшем количестве они были более многонаселенными, в основном не имели вотчин, многие из женских монастырей жили за счет государственной руги.

С 1701 г. государственная власть предпринимала неоднократные попытки ввести штаты в монастырях. 30 декабря 1701 г. был издан именной указ о назначении монахам и монахиням выплат деньгами и хлебом «в общежителство их», «а вотчинами им и никакими угодами не владеть не ради разорения монастырей, но лучшаго ради исполнения монашескаго обещания» — по 10 руб. и 10 четвертей хлеба на каждого¹⁰. В 1724 г. в мужских монастырях был высочайше утвержден «штат». Монастыри разделили на классы в зависимости от исторического значения и экономического положения. Первый класс составляли обители, возглавляемые архимандритом, во главе второго находился игумен¹¹. В то же время многочисленные попытки введения штатов практически не коснулись женских монастырей. Исключение составили московские Новодевичий и Вознесенский монастыри и ряд других.

Однако наиболее существенную роль в судьбе женских монастырей сыграли преобразования Екатерины II. В 1761 г. начала работать комиссия, подготовившая секуляризацию церковных имений. Перед началом реформы, в 1762 г., в России числилось 678 мужских монастырей, населенных 7659 монахами и послушниками, и всего 203 женских монастыря с 4733 насельницами¹². 26 февраля 1764 г. был издан Манифест о духовных имениях¹³. После реформы численность монастырей значительно уменьшилась. Были упразднены 496 (около 56%) обителей, среди которых 360 (53%) мужских и 136 (67%) женских¹⁴. Таким образом, несмотря на то что женских монастырей до реформы было в 3 раза меньше, чем мужских, в процентном отношении их упразднили больше. В результате реформы число женских монастырей составило около 17% от общей численности всех оставшихся монастырей, не считая архиерейских домов.

Все обители, за исключением Троице-Сергиевой лавры, Александро-Невского и Чудова монастырей, были распределены по 4 группам: 1-го, 2-го, 3-го класса и заштатные¹⁵ (см. табл. 1).

Таблица 1

**Классификация монастырей Российской империи
в соответствии со штатами 1764 г.**

Статус монастыря	Мужские монастыри	Женские монастыри
1-й класс	15	4*
2-й класс	41	18
3-й класс	100	45
Заштатные	161	—
ИТОГО:	319	67

* К 1-му классу были отнесены четыре женских монастыря: московские Вознесенский и Новодевичий, Суздальский Покровский и Успенский в Александровой слободе.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Основным критерием для определения монастыря в тот или иной класс являлось его экономическое состояние. 1-й класс составляли монастыри, имеющие 10 тыс. и более душ крестьян, 2-й — от 1 до 10 тыс., 3-й — от 100 до 1 тыс. В отношении тех монастырей, которым принадлежало менее 100 душ, в докладе, высочайше утвержденном 26 февраля 1764 г., отмечалось, что о них необходимо собрать ведомости и в зависимости от состояния обители либо оставить на собственном содержании, либо упразднить и обратить в приходские церкви. По верному замечанию А. Завьялова, экономический принцип, положенный в основу деления монастырей на классы, был нарушен при установлении штатов женских монастырей и нескольких мужских. Большая часть женских монастырей относилась к числу маловотчинных и безвотчинных, и Комиссия «не могла не признать государственного значения этих монастырей и справедливости ради назначить им казенное жалование»¹⁶. Поэтому из 45 3-классных женских монастырей названы были только 17, оставшиеся 28 остались на рассмотрение епархиальных архиереев с перечислением городов, в которых следовало их оставить. Существенным являлось также то, что среди женских монастырей не оказалось заштатных, в то время как из мужских монастырей числился 161 заштатный. Комиссия, возможно, сочла, что женские монастыри не могут существовать без государственной материальной поддержки. Основание новых монастырей без высочайшего разрешения было запрещено¹⁷.

Материальное положение монастырей мужских и женских различалось: жалование в штатных женских монастырях было значительно меньше, нежели в мужских¹⁸ (см. табл. 2).

Таблица 2

Размер жалования штатным монастырям

Класс монастыря	Мужские монастыри	Женские монастыри
1-й	Штат — 33 монаха. Жалование — 2017,5 руб.	Штат от 52 (Суздальский Покровский) до 101 (Александровский Успенский). Жалование — Вознесенский и Новодевичий по 1506,38–2009,8 руб., Александровский Успенский — 2007,7 руб., Суздальский Покровский — 1506,3 руб.
2-й	Штат — 17 монахов. Жалование — 1 311,9 руб.	Штат — 17 монахинь. Жалование — 475,8 руб.
3-й	Штат — 12 монахов. Жалование — 806,3 руб.	Штат — 17 монахинь. Жалование — 375,6 руб.

Сверх денег, положенных по штату, монастырям жаловалась прибавка (см. табл. 3).

Таблица 3

Суммы прибавок к жалованью монастырям

Класс монастыря	Мужские монастыри	Женские монастыри
1-й	По 300 руб. (всем 15 монастырям)	По 400 руб. (всем 4 монастырям)
2-й	По 200 руб. (34 монастырям)	По 200 руб. (8 монастырям)
3-й	По 150 руб. (48 монастырям)	По 150 руб. (5 монастырям)

Для Троице-Сергиевой лавры была назначена сумма в 10 070 руб., для Московского архиерейского дома с Чудовым монастырем — 7 510,85 руб., для Санкт-Петербургского архиерейского дома и Троицкого Александро-Невского монастыря — 15 тыс. руб. Жалованье архимандрита 1-классного монастыря составляло 500 руб., игуменей 1-классных женских Вознесенского и Новодевичьего монастырей — 100 руб., Суздальского Покровского — 50 руб.; жалованье архимандрита 2-классного монастыря — 300 руб., игуменьи 2-классного женского монастыря — 60 руб., 3-классных монастырей — соответственно 150 и 40 руб. Монахи (включая иеромонахов и иеродиаконов) 1-классного монастыря получали от 9 до 12 руб., 2-го класса — от 9 до 13 руб., 3-го класса от 8 до 13 руб., монахини 1-классных монастырей — от 12 руб.; 2-го класса — 12 руб., 3-го класса — 10 руб.¹⁹ Впоследствии, при императоре Павле, разница в размере денежного жалованья представителям власти в мужских и женских монастырях несколько уменьшилась: прибавка архимандритам в монастырях 1-го класса составила по 100 руб., 2-го класса — по 70 руб., игуменам 3-го — по 50 руб., игуменьям 1-го класса — по 200–250 руб.; 2-го класса — по 90 руб., 3-го класса — по 60 руб. Что касается монахов (исключая иеромонахов и диаконов) и монахинь, то их жалованье было практически уравнено и составляло 20 руб.

В результате упразднения монастырей в 1764 г. в числе «сверхштатных» оказалось большое количество монашествующих. Причем, как следует из ведомости «заштатных монашествующих», женщин было 70%, мужчин — 30%. По указу от 6 сентября им также выплачивалось жалованье: архимандритам — по 70 руб., игуменам — по 50, строителям, наместникам, иеромонахам и иеродиаконам — по 13 руб.; игуменьям, строительницам и монахиням — всего по 10 руб. Сверхштатных монашествующих предполагалось распределить по монастырям по мере появления свободных штатных мест, зачисляя на «убылые места». При этом временно не разрешалось никого ни постригать, ни принимать в монастырь²⁰.

При проведении реформы различия между женскими и мужскими монастырями выражались не только в денежном жалованье, но и во владении недвижимым имуществом. Каждому архиерейскому дому и двум лаврам (Троице-Сергиевой и Александро-Невской) полагалось иметь по 1–2 загородных дома, при этих домах сады и огороды, по 3 пруда и одному озеру, находящимся не далее 10 верст, пастбища для лошадей и скота по 30 десятин. При отсутствии прудов и озер разрешалось иметь рыбную ловлю в реках, находящихся на расстоянии не более 10 верст,

ИССЛЕДОВАНИЯ

с «платежом оброчных денег». Прочие штатные монастыри, кроме женских 2-го и 3-го классов, «за которыми прежде были загородные дома, озера и пруды и скотные дворы», могли иметь по одному скотному двору, по малому озеру или пруду и землю для выгона скота: 1-го класса по 9 десятин, 2-го — по 8, 3-го — по 6 десятин для каждого монастыря²¹. При Павле 127 мужским заштатным монастырям было положено «каждому в милостыню» по 300 руб. Эта «милостыня» просуществовала до 1868 г.²²

В результате реформы именно монашествующие женщины и в еще большей степени послушницы и белицы, по верному замечанию Зверинского, за недостатком помещений и средств в других монастырях были оставлены на произвол судьбы. В результате многие из упраздненных монастырей продолжали еще какое-то время существовать. Так, Благовещенский монастырь в г. Чебоксары Казанской губ. действовал до 1773 г.²³, Рождественский монастырь в г. Болхове Орловской губ. — до 1783 г.²⁴ и др. Некоторые из упраздненных монастырей даже были восстановлены (Астраханский Благовещенский) по просьбе жителей города или епархиального архиерея. В 1786 г. насчитывалось уже 8 заштатных женских монастырей.

Но чаще всего монастырь не восстанавливался. Бывшие послушницы продолжали жить в упраздненном монастыре. Очень часто подобные женские общежития приобретали статус богаделен и странноприимных домов²⁵. Такие богадельни представляли собой женские общежития, в которых большинство составляли молодые и среднего возраста женщины и девушки. Так, Нижегородский епископ Иоанн в рапорте Синоду сообщал о Зеленогорской богадельне, что в ней живет 45 человек, из них вдов только 8. Способ содержания богадельни — сельская работа и рукоделие, а также подавание за чтение Псалтири. В Ризадеевской богадельне жили 10 женщин, которые содержание «приобретают собственными трудами и рукодельем, но земли своей не имеют и подаваний ни от кого, кроме родственников, не принимают»²⁶. Во всех случаях они продолжали жить по монастырскому уставу.

Какая же из общин первой была признана государственной властью и приобрела правовое состояние? По мнению Н. Григоровича (его неопубликованная книга о женских общинах хранится в РГИА), женские общины впервые получили юридическое признание в 1842 г., когда были «приняты под покровительство духовного и гражданского начальств» и высочайше утверждены нижегородские общины в Дивеево, Арзамасская Алексеевская и Зеленогорская (через 60 и более лет своего фактического существования). Именно с них исследователь ведет начало истории женских общин²⁷.

Однако изучение законодательных материалов позволило установить, что женские общины стали признаваться гораздо раньше, вскоре после реформы. Первоначально, по указу императрицы, в упраздненных монастырях разрешалось находиться монахиням и белицам. Так было в случае упразднения Болховского монастыря. Указ последовал 22 июля 1765 г.²⁸ Только термин «община» в нем не употребляется. Впоследствии появилось понятие «женское общежитие». Кстати, в официальных документах, связанных с нижегородскими общинами, также употребляется термин «женские общежития» — «так называемые общины»,

«общества». По моим сведениям, первое женское общежитие было оформлено именным указом Екатерины II, разрешившей, по просьбе жителей г. Молога, жить в упраздненном монастыре вдовам и престарелым девицам, «посвятившим себя уединенной жизни», «на общежительном уставе, под смотрением начальницы». Императрица поручила генерал-поручику Лопухину проследить, чтобы «заведение сие устроено было на правилах, установленных вообще для монашесствующих, приписав оное по способности той же епархии к Углицкому Алексеевскому девичьему монастырю»²⁹.

Раньше, чем нижегородские общины, юридический статус получили «женские общежития», организованные на собственные средства женщинами из аристократических и дворянских семей в Московской епархии. Первое подобное «женское общежитие» основала княгиня Евдокия Николаевна Мещерская в с. Аносино Московской губ. Общежитие было высочайше утверждено в 1821 г.³⁰ Евдокия Николаевна стала попечительницей «общежития», а затем возглавила монастырь, образованный из общины. В 1833 г. было высочайше утверждено положение Святейшего Синода «об устройении богоугодного общежительного заведения для нуждающихся, подобно тому как дозволено было в 1821 г. вдове поручице княгине Мещерской», основанного во имя Спасителя на Бородинском поле вдовой генерала Маргаритой Михайловной Тучковой (урожденной Нарышкиной), «на правилах, существующих в общежительных пустынях», и «под ведением епархиального архиерея»³¹. Зосимова Одигитриевская община в Верейском уезде Московской епархии была основана в 1826 г. схимонахом Зосимой (Верховским)³². В 1833 г. он скончался, однако община, возглавляемая одной из его сестер — Варварой Верховской, — продолжала существовать. В пользу общины сестры Верховские Варвара и Матрена, а также грузинская царевна Тамара и другие благотворители пожертвовали денежные средства и землю. В 1841 г. «Одигитриевское Троицкое женское общежитие» было высочайше утверждено³³.

Все «женские общежития» Московской епархии жили по «Правилам», составленным митрополитом Московским Филаретом для аносинских сестер. Согласно «Правилам», общежитие являлось пристанищем для женщин из бедных семей («отягченных бедностью»). Все, что производилось сестрами, должно было передаваться в «общую пользу общежития». День начинался с восходом солнца и проходил в молитве и работе. Покидать общежитие без разрешения запрещалось. После захода солнца никого из посторонних принимать было нельзя. Строго запрещалось петь светские песни и читать светские книги. Сестрам предписывалось избегать суетных разговоров, ссор и гнева, соблюдать молчание во время общей молитвы и во все 4 поста исповедоваться и приобщаться Святых Тайн³⁴.

Но не все общины, желавшие приобрести правовой статус, получали его. Так, в 1826 г. было отказано в утверждении в статусе общины «заведения... на основании правил женских монастырей» в селе Мысовые Челны в Оренбургской губ. В постановлении Синода говорилось: «...молиться Богу, равно как и снискивать трудами пропитание, долг есть общий всех христиан, и сего никому и никогда воспрещено от Святейшаго Синода не было»³⁵. Иногда дело не доходило до императора — община уничтожалась местной властью. Так произошло с женской православной общиной, организованной в усадьбе помещицы Лихутиной

ИССЛЕДОВАНИЯ

в Корсунском уезде Симбирской губ. Как явствует из доклада обер-прокурора Мещерского императору, в общине жили в основном молодые девушки и женщины, вели «жизнь тихую, скромную, в богомолье», «пособие ни от кого не принимали, в церковь ходили на каждую службу, в оной без платы услуживали, а из вырученных денег за изделия приносили различные пожертвования; принимали к себе приходивших богомольцев; препровождаемым в этапе арестантам посылали хлеб, а иногда и белье... Бывшие в общине девицы Наталья и Устинья построили в родительских домах кельи, обучали в оных девиц чтению и рукоделью...».

Женских общин больше всего числилось в Нижегородской, а также в Пензенской и Тамбовской епархиях. Зачастую они возникали с благословения старцев Саровского, Санаксарского и других монастырей, которые и являлись духовными руководителями общин. В РГИА сохранились документы, которые проливают свет на историю юридического признания этих общин. Именно с этого момента появляется формулировка «община принята под покровительство духовного и гражданского начальств».

Вопрос о женских общинах в Нижегородской губернии впервые был инициирован в 1839 г. В том году министр внутренних дел граф Строганов сообщил обер-прокурору Синода Н. А. Протасову, что в министерстве с 1830 г. находятся записка нижегородского губернского начальства об общинах, существующих в Нижегородской губернии, имеющих «значительные строения и капиталы» и состоящих в «совершенном повиновении к духовному и гражданскому начальству», и присланные по запросу Синода Нижегородской духовной консисторией сведения о «так называемых общинах» («вид общества», «сие общество», «сие жительство») ³⁶. Министерство спрашивало у Синода разрешение на «дальнейшее существование означенных обществ». Первоначально переписка носила секретный характер. На запрос Синода поступило также донесение Нижегородского преосвященного Иоанна с подробным описанием существующих общин ³⁷.

9 мая 1842 г. было высочайше утверждено определение Синода о принятии «под покровительство духовных и гражданских начальств» Арзамасской Алексеевской, Дивеевской и Зеленогорской общин ³⁸. В докладе обер-прокурора императору говорилось, что «в Нижегородской губернии с давнего времени существует несколько общежительных женских заведений под названием общин, учреждение коих остается не утвержденным поныне никаким постановлением высшего правительства». Далее в докладе после описания и истории общин передано решение Синода: женские общежития следует «принять под покровительство духовного и гражданского начальств», «общежитиям сим существовать на тех основаниях, какие определит подробно Святейший Синод», всякие пожертвования принимать на имя общин и «совершать акты» «порядком, установленным для православных монастырей» ³⁹. От себя обер-прокурор добавил, что «означенные общины, составившиеся из лиц разных сословий, которые посвящают себя уединению без пострижения в монашество, по строгой благочестивой жизни их, трудолюбию и примерной праведности, пользуются от жителей не только окрестных, но и отдаленных мест таким уважением, до котораго не могли достигнуть многие из штатных монастырей, как я имел случай удостовериться в бытность мою в Нижнем Новгороде» ⁴⁰.

7 декабря 1845 г. Синод утвердил «Правила» для женских общин, находящихся в Нижегородской епархии⁴¹. Существенным в «Правилах» являлось то, что в общину принимали сестер «по совершенному удостоверению в искренности намерения посвятить жизнь на служение Богу и созидание спасения души» и на первом месте среди обязанностей стоит молитва, затем рукоделие и другие труды. Пострижение в общинах запрещалось. Однако в реальности среди сестер общины были и монахини. На начальном этапе существования общин постриг сестер был тайным. В «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» сообщается о том, что основательница Казанской общины Александра Мельгунова тайно приняла постриг в Киевском Флоровском монастыре⁴². Тайно постригал сестер общины и прп. Серафим Саровский⁴³. В конце XIX — начале XX в. постриг сестер общины уже не скрывался. В труде Л. И. Денисова о современных ему монастырях и общинах сообщается о количестве монахинь (от одной до девяти) и послушниц в общинах. Так, он сообщает о том, что в Острогжской Свято-Троицкой женской общине жили две монахини, 17 рясофорных послушниц и 77 трудниц⁴⁴, Трехсвятительская Светловская женская община в Павлоградском уезде насчитывала 37 монахинь и послушниц и др.⁴⁵ В то же время в ряде монастырей, как, например, в Знаменском Инсарского уезда, Александро-Невском Краснослободского уезда, Грязнухинском Свято-Троицком Саратовской губ., Белгородском Троицком Царицынском уезда, Старо-Костычевском Смоленском Сызранского уезда, Троице-Пятницком Тверской губ., проживали всего две-три монахини, включая игуменью, остальные были послушницами (от 84 до 170 человек)⁴⁶.

Таким образом, можно сказать, что появление женских общин явилось своего рода ответной реакцией на политику государства в отношении женских монастырей, а на начальном этапе даже альтернативой существующим женским монастырям. Женские общины — это прежде всего результат религиозной потребности женщин, в том числе молодых, пострижение которых было невозможно по существующему законодательству (только с 1832 г. возраст пострижения женщин был снижен до 40 лет). Установленные государственным законодательством штаты в монастырях привели к тому, что большинство штатных монастырей являлись особножительными, а это противоречило духовным запросам женщин. Кстати, в одном из документов дела о признании нижегородских общин сообщается, что они не спешат быть преобразованными в монастыри, боясь, что это разрушит сложившиеся в общине духовные традиции⁴⁷. Следовательно, признание женских общин государственной властью означало прежде всего признание не только их социального, но и духовно-нравственного значения в жизни общества.

После регистрации первых нижегородских общин в 1842 г. женские общины начали регистрироваться повсеместно. По мере того как разворачивалась деятельность общины, она могла быть преобразована в женский монастырь. Всего, по подсчетам Зверинского, такие женские общины составили 62%. Более того, была установлена традиция, по которой создание практически каждого нового женского монастыря предварялось существованием женской общины. Особенно стремительный рост женских общин и монастырей был связан с высочайше утвержденным определением Синода от 9 мая 1881 г., по которому не требовалось высочайшего разрешения на учреждение тех монастырей и женских общин,

ИССЛЕДОВАНИЯ

которые не испрашивали пособия от казны. Право учреждать такие общины и монастыри передавалось Синоду⁴⁸. Но, если при учреждении мужского монастыря епархиальному начальству достаточно было собрать сведения о необходимости и пользе монастыря и указать средства для его содержания, то при учреждении женских монастырей и общин требовалось также представить сведения о личном составе желающих поступить в монастырь, документы на жертвуемое или завещанное имущество. Обер-прокурор обязан был получить из Министерства внутренних дел отзыв об отсутствии препятствий к открытию общины. На укрепление за открываемой женской общиной имущества требовалось высочайшее соизволение⁴⁹. В результате только за два десятилетия (1880–1890-е гг.) количество мужских монастырей выросло на 53 (с 450 до 503), а женских вместе с общинами — на 57 (с 168 до 325). Соответственно число монахов и послушников увеличилось с 6481 и 2902 до 8578 и 8090, а монахинь и послушниц — с 4759 и 14071 до 10082 и 31533⁵⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 1. СПб., 1890. С. XII–XIV.
- ² *Емченко Е. Б.* Государственное законодательство и женские монастыри в XVIII — начале XX в. // *Церковь в истории России.* Сб. 5. М., 2003. С. 171–221.
- ³ Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания. В 10 т. (далее — ПСПиР). Т. 4. СПб., 1876. № 1197.
- ⁴ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Синода (далее — ОДДС). Т. 22. Стб. 1076–1078.
- ⁵ ПСПиР. Т. 4. СПб., 1876. № 1279.
- ⁶ Там же. № 1197, 1279.
- ⁷ Там же. № 1329.
- ⁸ Там же. № 1197.
- ⁹ См.: *Емченко Е. Б.* Женские монастыри в России // *Монашество и монастыри в России XI–XX вв.* М., 2003. С. 258–259.
- ¹⁰ ПСЗ–1. Т. 4. № 1886.
- ¹¹ *Завьялов А.* Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. СПб., 1900. С. 257–258; *Книга штатов* // ПСПиР. Т. 3. СПб., 1875. № 1266. До издания «Книги штатов» только мужские монастыри различались по степеням. См.: *Румянцева В. С.* Опыт классификации монастырей в России в XVII веке. Вологодская степень // *Церковь в истории России.* Сб. 1. М., 1997. С. 82–100.
- ¹² *Смолич И. К.* Русское монашество: 988–1917 гг. Жизнь и учение старцев. М., 1997. С. 269.
- ¹³ Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания. Царствование Екатерины Второй. В 3 т. (далее — ПСПиР, Е II) Т. 1. СПб., 1910. № 167.
- ¹⁴ *Зверинский В. В.* Указ. соч. С. X–XII. Поскольку у Зверинского общая численность великороссийских монастырей составляет 881, а у Завьялова — 814, возникает расхождение в количестве упраздненных монастырей: у Зверинского — 496, у Завьялова — 418 (см.: *Завьялов А.* Указ. соч. С. 266, 271, 274).
- ¹⁵ ПСПиР, Е II. Т. 1. СПб., 1910, № 167.
- ¹⁶ *Завьялов А.* Указ. соч. С. 265.
- ¹⁷ ПСЗ–1. Т. 21. № 15379, § 58; *Завьялов А.* Указ. соч. С. 273.
- ¹⁸ ПСПиР, Е II. Т. 1. № 167; ПСЗ–1. Т. 16. № 12060; *Смолич И.* Указ. соч. С. 278.
- ¹⁹ ПСПиР, Е II. Т. 1. С. 188–189.
- ²⁰ Там же. № 320.
- ²¹ Там же. № 167.

- ²² *Ивановский В.* Русское законодательство XVIII–XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей. (Опыт историко-канонического исследования). Харьков, 1905. С. 156–157.
- ²³ *Зверинский В. В.* Указ. соч. № 31.
- ²⁴ Там же. № 408.
- ²⁵ *Зверинский В. В.* Указ. соч. № 1, 171, 204, 219, 380, 397, 488, 491, 514, 534, 535 и др.
- ²⁶ РГИА, ф. 796, оп. 120, д. 705, л. 26–27.
- ²⁷ Там же, ф. 834, д. 612.
- ²⁸ ПСПиР. Е П. Т. 1. № 250.
- ²⁹ ПСЗ–1. Т. 23. № 17375.
- ³⁰ РГИА, ф. 796, оп. 102, д. 362.
- ³¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания. Царствование императора Николая Первого (далее — ПСПиР, Н I). Т. 1. Пг., 1915. № 474; ПСЗ–2. Т. 8. № 6025.
- ³² *Зверинский В. В.* Указ соч. № 516; *Денисов Л. И.* Православные монастыри Российской империи. М., 1908. № 509.
- ³³ ЦГИАМ, ф. 203, оп. 259, д. 36.
- ³⁴ «Женская Оптина». Материалы к летописи Борисо-Глебского женского Аносина монастыря. М., 1997. С. 69–75.
- ³⁵ РГИА, ф. 796, оп. 107, № 116 (опубликована: ПСПиР, Н I. Т. 1. № 22).
- ³⁶ Там же, оп. 3, д. 11666.
- ³⁷ Там же, оп. 9, д. 25416.
- ³⁸ Там же, ф. 796, оп. 120, д. 705.
- ³⁹ Там же, ф. 797, оп. 9, д. 25416.
- ⁴⁰ Там же, л. 24–28 об.
- ⁴¹ Там же, л. 168–177; оп. 96, д. 16.
- ⁴² *Серафим (Чичагов), архим.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Изд. 2. СПб., 1903. С. 4–5.
- ⁴³ Там же. С. 268–269.
- ⁴⁴ *Денисов Л. И.* Указ. соч. № 187.
- ⁴⁵ Там же; см. также № 24, 238, 109, 110, 298, 299, 519, 536, 543, 707, 969 и др.
- ⁴⁶ Там же. № 650, 654, 820, 824, 840, 928.
- ⁴⁷ В рапорте Нижегородского епископа Иоанна сообщалось, что Арзамасская Алексеевская община «образует из себя как бы женский монастырь... общество в оной привыкло жить в уединении, между собою в равенстве без различия званий... имеют в понесении общих трудов беспрекословное согласие». В том случае, если община будет возведена в класный монастырь, то «все... искоренится и, наконец, совершенно разрушится» (см.: РГИА, ф. 796, оп. 120, д. 705, л. 29).
- ⁴⁸ Церковные ведомости. 1881. № 25–26.
- ⁴⁹ Обозрение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству / Сост. Я. Ивановский. Изд. 3. СПб., 1900. С. 13–14.
- ⁵⁰ *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX в. М., 1999. С. 19.